
ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

УДК 947(470)

doi: 10.25730/VSU.2070.18.016

Консервативно-либеральная традиция в России: эволюция идеи и содержания. Карамзин – Чаадаев – Катков

А. В. Лубков

доктор исторических наук, профессор, ректор,
Московский педагогический государственный университет, член-корреспондент РАО. Россия, г. Москва.
E-mail: av.lubkov@mpgu.su

Аннотация. В условиях духовного кризиса и обезличивания культуры, вариативности и трансформации смыслов обращение к истории общественной мысли России, наследию оригинальных русских мыслителей и общественных деятелей, стоящих у истоков главных мировоззренческих течений, представляется автору статьи важным в исследовании проблем социокультурного пространства и времени. От классификационной дихотомии автор обращается к синтезу и пониманию сложного и противоречивого мира личности в нелинейном и непрерывном движении истории.

Вопросы консолидации общества вокруг решения главных национальных задач объединяют столь разных в оценках современников и потомков отечественных мыслителей. Автор усматривает взаимосвязь и преемственность концептуальных положений Н. М. Карамзина, П. Я. Чаадаева, М. Н. Каткова. Предложенная ими идеология, по мнению автора, объединяет различные институты и системы, индивида и народ в единое целое перед вызовами модернизации страны. Известная формула – самодержавие, православие, самобытность (народность) – приобретает глубокое смысловое звучание, обращая к проблемам солидарности и гармонии, к исконной духовной традиции соборности.

Консервативно-либеральная традиция представлена автором в развитии основополагающих ее концептов. В статье осуществлен синтез двух разных идеологий, предпринято их обобщение в конкретном историческом контексте. При этом главное внимание читателей автор обращает на осмысление духовно-нравственных ценностей, собственный выбор поступков и мотивов, определяющих личную и гражданскую позицию человека, природу творчества.

Ключевые слова: личность, социокультурное пространство, национальная культура, идентичность, традиции, самосознание, самопознание.

Оригинальным мыслителям русской общественной мысли Н. М. Карамзину, П. Я. Чаадаеву, М. Н. Каткову удалось привлечь значительные силы русской науки и культуры, консолидировать политических единомышленников и оппонентов вокруг решения главных задач своего времени, которые имели подчас государственное значение. К числу таковых относятся проблемы национальной идентичности и национального самосознания, духовного самопознания России, проблема воспитания национальной идеи. Примечательно, что современники и потомки не раз возвращались к пониманию и оценкам самобытных идейных вдохновителей.

Их творчество – свидетельство необъятной многогранности человеческой личности, богатства и глубины ее внутреннего мира. Удивительным образом во времени и пространстве соединяются личности и идеи, а Россия предстает как живая Вселенная, глубины которой таят в себе еще не разгаданные миры, разные традиции, которые необходимо правильно освоить. В их органичном синтезе и заключены русская симфония, сложность, богатство мира отечественной истории и культуры.

Предложенные мыслителями концепты вряд ли укладываются в привычную классификационную дихотомию либерализма или консерватизма, новизны или старины, прогресса или регресса. Приверженность целям и принципам имперского сознания, служение народу и Отечеству были тем идеалом и компасом, которые направляли устремления этих тружеников мысли, слова и дела, причисляемых нами к консервативно-либеральной русской традиции.

«Мы стали гражданами мира, перестав при этом быть гражданами России» [7, с. 35], – с сожалением признавал Карамзин в 1811 г. в своей знаменитой «Записке о древней и новой истории России в ее политическом и гражданском отношениях». Это был своего рода меморандум, трактат русского консерватизма, вызванный неприятием преобразовательных планов Сперанского. Карамзин предложил модернизацию страны, но такую, которая бы обеспечивала внутреннюю стабильность и одновременно европейский статус России как современной великой империи [14, с. 129]. Следует иметь в виду, что свою «Записку» Карамзин писал накануне войны с Наполеоном и был озадачен поисками обновленной идеологии самодержавия как ответа на вызов времени.

Вопрос о национальной идентичности и национальном самосознании, особенностях исторического развития России и Запада, патриотизме, истинном и мнимом, с еще большей силой «прогремел» спустя два десятилетия. В мировоззрении русского образованного общества происходили глубокие изменения. П. Я. Чаадаев, по сути, первым среди мыслителей определил содержание эпохи 1830–1850-х гг. как время создания ясного и явного имперского образа России в сознании современников. Еще до нашедшей публикации в «Телескопе» он писал А. И. Тургеневу: «В настоящую минуту у нас происходит какой-то странный процесс в умах. Вырабатывается какая-то национальность, которая, не имея возможности обосноваться ни на чем, будет, понятно, совершенно искусственным созданием» [22, с. 91–92]. П. Я. Чаадаев выступает предвестником русской гражданской (политической) нации, сторонником и провозвестником которой впоследствии станет Катков.

Именно в этот период наблюдается становление феномена российской интеллигенции, одной из первых осмысливающей и призванной дать ответы на глубокие онтологические, историософские, антропологические вопросы. И уже тогда зарождался раскол русской элиты. С одной стороны, формировалось державное, имперское сознание, а с другой – развивалась традиция секулярного, нигилистического сознания, олицетворяющего борьбу не только за свободу личности, но и против государства, традиций, культурного значения того русского государственного проекта, который сложился в российской истории к XIX в.

Публикация первого «Философического письма» в октябрьском номере журнала «Телескоп» в 1836 г. всколыхнула все общество как ни до того, ни после, «не было дома, в котором не говорили бы про “чаадаевскую статью” и про “чаадаевскую историю”; <...> все соединилось в одном общем вопле проклятия и презрения человеку, дерзнувшему оскорбить Россию» [4, с. 390]. Так, многие оценивали публикацию и ее автора, который был объявлен, по высочайшему повелению, сумасшедшим, «запрещался ему выход из дома и сообщение с человеческим обществом» [5, с. 471].

Общество бурлило, погружаясь в диалог о самобытности или отсталости, личной свободе и национальных интересах, Родине и ее судьбе. Открыто и резко, как до него это делал Н. М. Карамзин, П. Я. Чаадаев противопоставил пути развития России и Запада. Задача российской цивилизации, ее предназначение, поставленная Чаадаевым в качестве главной задачи национальной мысли, определила все содержание поисков русского самосознания в его различных вариантах: славянофильском, западническом, радикально-демократическом и в консервативно-охранительном.

Продолжая или отвергая «чаадаевское» в русской истории, до сих пор дискутируют, кто же такой Чаадаев – революционер или государственный, западник, русофоб или славянофил, католик или православный, либерал или консерватор [2; 6; 17; 18; 22; 21]. Одни видят в нем человека, навязывающего свои доктрины и «чужеземные идеологизмы» «серой толпе», и противопоставляют Пушкину как представителю «мира русского, человечества русского» [1; 15; 19]. Другие воспринимают имя Чаадаева в качестве знака-символа, идеологической доминанты русского духовного ренессанса: «Чаадаев – есть все нашей мысли» [3]. Действительно, «более чем полуторовековая история «Философического письма» и других произведений Чаадаева доказывает, что «басманный философ» – зеркало, в которое смотрится Россия на переломных этапах своей истории» [3, с. 3].

Понимание сложной диалектики идей и людей выводит за рамки известного угла зрения. Как непримиримые идейные противники, западники и славянофилы признавали общность духовной опоры общества, основы для взращивания ростков народного самосознания, так и сегодня можно увидеть схожие основополагающие константы, выстроить преемственность идей и иерархию ценностей при обращении к ключевым фигурам, определяющим полемику в русском обществе.

Спустя сорок с лишним лет карамзинская декларация нашла свое продолжение. Через призму времени содержащиеся в ней идеи преломились в свете новых реформ либеральной бюрократии. Против нее последовательно выступал сначала Карамзин, а позже борьбу возглавил Катков, черпавший из наследия историка поддержку в своих публицистических баталиях. В своем безапелляционном отношении к идеологическим и политическим противникам, безоговорочном и бескомпромиссном отрицании «отрицателей» Катков снискал славу главного нигилиста в русской журналистике 1860-х гг. [12, с. 704].

О Каткове, идеологе и выразителе определенного идейного направления, сложилась богатая палитра мнений и оценок, подобно чаадаевской. Но все были едины в одном: на Страстном бульваре в Москве появилась своего рода «инспекция всероссийской службы», которую боялись, ненавидели, клеветали на нее. «В Петербурге, и именно во “властных сферах”, боялись Каткова. Чего боялись? Боялись в себе недостойного, малого служения России, боялись в себе эгоизма, “своей корысти”. И – того, что все эти слабости никогда не будут укрыты от Каткова, от его громадного ума, зоркого глаза, разящего слова». «Критерием же и руководящим в критике принципом было то историческое дело, которое Москва сделала для России. Дело это – единство и величие России» [16].

Государственная, державная идеология как необходимое условие формирования национального сознания и обеспечения государственного единства Российской империи объединяет выдающихся представителей отечественной культуры Карамзина – Чаадаева – Каткова. Здесь нами видится главная линия единого потока русской культуры.

Реперными точками в представленных ими концепциях определенно можно считать те принципы, которые будут положены графом С. С. Уваровым в основу классической идеологии. Знаменитая триада – самодержавие, православие, самобытность (народность) – не механическая сумма отдельных ее элементов, но – соединение, симфония, целостность и единство государства, Церкви, веры, истории, культуры, языка, народа и личности, существующей в данном пространстве в союзе и единении с другими, своими ближними. То, что в русской духовной традиции воплотится в понимание *соборности – гармонии целого при свободе всех его составляющих*.

Запад исходил и исходит из другого понимания своего опыта – из противопоставления личной индивидуальной свободы всему остальному. Осознание принципиального различия, заложенного в культурно-историческом коде, матрице двух цивилизаций – западной и восточной, происходило постепенно. В XIX в. в качестве главного фактора развития для первой утвердилось конкурентное, Россия же исходила из идеи общности, народности и солидарности, что и получило свое официальное закрепление в государственной идеологии при императоре Николае I.

Одним из первых основополагающих концепты известной триады сформулировал Н. М. Карамзин. Принципы легитимизма, имевшие широкую популярность среди европейских консервативных кругов, подвергших ревизии идеи Просвещения, приобрели в трактовке Карамзина определенную систему. Основным в понимании Карамзина является тезис о самобытности России, ее особом пути, сопряженный со значимостью идеи национального достоинства [14, с. 69]. Достоинство нации в конкретном историческом контексте выступает против свободы личности, как закон и порядок отрицают произвол, своеволие и тиранию.

Хотя имперский период русской истории не был написан Карамзиным, но им одним из первых была дана развернутая оценка царствования Петра Великого и последствий его преобразований. Именно в «Записке о древней и новой России» Карамзин попытался непредвзято подойти к личности царя-реформатора, сумевшего обратить развитие России в новое русло.

Карамзин не отрицает исторических заслуг Петра в деле возвышения России и укрепления ее могущества, но обращает внимание на два аспекта. Во-первых, он прослеживает истоки петровских преобразований, подготовленных предшествующей мудрой, терпеливой политикой московских царей в течение двух столетий, и, во-вторых, резко критически оценивает насильственный характер мер, при помощи которых Петр проводил политику «европеизации» страны. «Искореняя древние навыки, представляя их смешными, глупыми, хваля и вводя иностранные, государь России унижал россиян в собственном их сердце», – писал Карамзин. Серьезной ошибкой Петра Карамзин считал принижение значения Православной церкви, уничтожение патриаршества, введение Святейшего Синода, контролируемого светской властью, что, по его мнению, привело к утрате Церковью своего священного назначения [20, с. 243].

Оценки Карамзина важны и интересны в перспективе общего концептуального видения судьбы страны и обоснования необходимости вносить изменения в проводимый правительством курс реформ.

Достоинства нации и народа, как мы понимаем сегодня, не могут попираť личного достоинства человека и гражданина. Одного не существует без другого. Искусственность такого противопоставления, надо полагать, была очевидной и для Карамзина, хотя проблема политической свободы, а также проблема отмены крепостного права в России действительно не рассматривались им как первоочередные. Это реальное противоречие трудно было разрешить исходя из противостояния легитимизма – консерватизма свободе – либерализму. Необходим был синтез идеологий, их обобщение на другом уровне и другом витке истории, что позднее и попытались сделать последователи Карамзина, включая Каткова.

В 1870 г. цензура запретила публиковать «Записку» Карамзина в декабрьском номере «Русского архива». По этому поводу Катков незамедлительно указал, что исторические идеи имеют свою относительную ценность. «Что перед высшими требованиями является ложью и несправедливостью, то было в свое время и истинно, и справедливо, и необходимо». Он подчеркивал *ценность, преемственность и неизменность* своей общей с Карамзиным позиции – поставить на твердом основании и отстоять принцип самодержавия против некоторых окружавших государя людей, желавших ограничить его власть в свою пользу [8, с. 632].

Катков как публицист, развивал идеи противопоставления России и Запада, исходя из собственного анализа и понимания оппозиции «свой – чужой». Он защищал государственные интересы империи в делах как внешнеполитических, так и внутренних, всегда предполагая их самую тесную взаимосвязь. Идея самодержавия – прямой связи государя с народом – будет актуализироваться в творчестве Каткова в качестве органичного и фундаментального принципа Российского государства в его прошлом, настоящем и будущем.

Этот идейный стержень при всей изменчивости конкретно-исторических оценок, включая вопрос о судьбе его родины, оставался неизменным в философских воззрениях Чаадаева. В этой изменчивости, при сохранении общего стержня, нам видится то, что сближало Каткова с Чаадаевым.

Если у Чаадаева и было неприятие власти, то его можно расценивать как традиционную, присущую определенной части русской аристократии, оппозицию духовную и интеллектуальную. Прежде всего, она была направлена против непонимания верховной властью своего истинного призвания – являться выразителем высшей идеи о своем предназначении и служении Отечеству.

П. Я. Чаадаев обращает пристальное внимание на то, что русский народ через деятельность государей ведет само Провидение [22, с. 527]. «Нам позволено, – писал философ, – надеяться на благоденствие еще более широкое, чем то, о котором мечтают самые пылкие служители прогресса... <...> для достижения этих окончательных результатов нам нужен только один властный акт той верховной воли, которая вмещает в себя все воли нации, которая выражает все ее стремления, которая уже не раз открывала ей новые пути...» [22, с. 535–536].

В противопоставлении рационалистического, прогрессистского толкования людьми истории ее мистическому началу, провиденциализму, начертанному свыше священному таинству, к постижению которого призваны русские монархи, угадывается общность взглядов рассматриваемых нами мыслителей на сакральную природу царской власти.

Чаадаев, а затем и Катков видели в религиозно-философском развитии русского народа ещё одну из его особенностей и возможность преодоления европейского рационализма путем утверждения национальных начал в жизни государства и Церкви. Чаадаев был убежден, что без «оживления» веры Россия – страна без будущего.

Как известно, Чаадаев оставался до своей кончины православным человеком, исповадавшийся и причастившись перед смертью. Но в первом и втором «Философических письмах» он дал резкие оценки роли православия в России и в мире. Затем его оценки меняются на противоположные: в шестом «Философическом письме» он выступает как сторонник объединения всех христианских вероисповеданий, которые должны возвратиться к «Церкви-матери», т. е. к католицизму. Буквально такую же идею выдвинул и Катков с той лишь разницей, что объединяющим началом воссоздания единой вселенской Церкви для Каткова являлось православие [9].

Исходя из понимания традиционных ценностей и опыта, заложенного в культурно-историческом коде русского народа, Катков развивал осмысленные им еще в молодости идеи народности (самобытности) и солидарности, духовности, открытости и любви.

Уже в раннем творчестве («Песни русского народа», 1839) Катков вникал в исследование струн русской души – народные песнопения, стремясь найти ключ к разгадке тайн русской души и духа. «Углубляйтесь в поэзию народа для того, чтобы изведать содержание, глубину и мощь его фантазии, чтобы лицом к лицу познакомиться с его духом, проникнуться им и после узнавать его везде, во всех разнообразных проявлениях» [10, с. 66], – наставлял он. «Читатель! Благослови свою родину, благослови народ, из которого ты вышел. Этот мир, на который мы взглянули теперь мельком, – этот мир – дивное создание творческой фантазии» [10, с. 60].

Это чувство родного А. С. Пушкин называл «животворящей святыней», основой «самостоянья человека», «величия его». Без него «наш тесный мир – пустыня», «алтарь без бога». Выступая против разрушения и ниспровержения основ государства, в своем служении на общественном поприще Катков стремился сплотить русское общество могущественной скрепой национального самосознания, уча его критически оценивать и осмысливать происходящее, распознавать разрушающие нигилистические тенденции, быстро укореняющиеся в сознании. Он практически воплощал русскую духовную традицию – идею соборности, гармонии целого. Это то, что сближало Каткова с Чаадаевым и всем последующим движением русской религиозной философии, развивавшим *идею соборного сознания*.

В то же время ключевая для либеральной идеологии *идея личности* также находит свое развитие в творчестве этих ярчайших мыслителей. Чаадаев полагал, что «вытянуть» народ в историю возможно именно через личность «в ее настоящем значении». Мнение же о «безграничной свободе как условии развития умов» он считал «страшным заблуждением». «Личность и свобода, – полагал он, – существуют лишь постольку, поскольку есть различия в умах, нравственных силах и познаниях» [22, с. 391]. Главным творцом истории и культуры является человек. Да, исторический процесс таинственным образом движется Божественным Провидением, но воплощается Провидение в свободных поступках людей. Недаром Чаадаев столь резко возражал против «суеверной идеи повседневного вмешательства Бога» в исторический процесс.

Свое завершение консервативно-либеральный синтез удивительным образом получил в творчестве и деятельности Каткова. Идея личности в устах Каткова будет возвращать внимание российской элиты к решению актуальных проблем государства, показывать высшей бюрократии и всей российской элите ее истинное призвание и предназначение. На страницах возглавляемых им изданий обличались уродливые явления и глубокие проблемы, которыми оборачивались преобразования под руководством безответственных либеральных реформаторов. Своими действиями, а часто бездействием они дискредитировали реформы и наносили непоправимый ущерб национальным интересам страны и ее будущему.

Обобщение двух идеологий показывает сложный, неоднозначно оцениваемый процесс становления национально мыслящей интеллигенции, думающей в первую очередь о русских интересах. Карамзин – Чаадаев – Катков осуществляли имперский проект как один из путей модернизации страны в интересах ее внутренней стабильности и статуса великой империи.

Карамзин, отталкиваясь от консервативных принципов, шел дальше к историческим исследованиям, подтверждая, уточняя или опровергая свои идеологемы, стал не только историографом, но историософом – мыслителем. Обращаясь к осмыслению и разрешению идеологической по своей сути проблемы, он размышлял над историческими особенностями и различиями в судьбах России и Запада. Показательно, что, не вдаваясь в отвлеченные философские рассуждения, он предложил своим соотечественникам задуматься над темой *Бытия и Времени*, выдвинув свой основной довод и материал для последующих размышлений – «Историю государства Российского», открывая, как выразился Пушкин, «подобно Колумбу, русским их собственное прошлое».

Дальнейшее обращение к перу и слову П. Я. Чаадаева и М. Н. Каткова свидетельствует о непреходящем значении «вечных» вопросов, выдерживающих испытание временем. Идейное наследие «золотого века» побуждает критически разбираться в природе творчества, выборе поступков и мотивов, определяющих выбор человеком своей личной и гражданской позиции. Когда, казалось бы, высшие духовно-нравственные ценности должны быть общими для всех людей, для каждого человека как разумного и духовного существа в отдельности, в действительности обнаруживается обратное.

Одни от изначально принятой ими схемы, универсальной идеи Просвещения о свободе народов и свободе личности, в противостоянии тирании самодержавной власти пришли на Сенатскую площадь. И, как известно, – «из искры возгорелось пламя...». Горячие патриоты, участники и герои прошедших войн и походов превратились в жестких доктринеров, чтобы в

конце концов встать на путь борцов, революционеров, мучеников, пожертвовавших собой ради идеи... В своих показаниях на следствии декабристы прямо указывали на сочинение Н. М. Карамзина среди других, наиболее повлиявших на их развитие и мировоззрение книг отечественных и зарубежных авторов [13, с. 22].

Отстаивание либеральных ценностей и свобод, столь свойственное русскому человеку, подлинной справедливости и человеческого достоинства привело других к итогу, оказавшемуся столь неожиданным для многих либералов. Они «хотели ледокола, а получилось землетрясение», разрушившее основы государственной власти и устои русского общества. Идеология февразизма не сумела соединить державность и государственность с идеей свободомыслия, самоуправления, гражданского общества. И это стало трагедией для людей, которые по сути своей были очень искренними патриотами. Правда, понимание патриотизма, любви к Родине и к Богу среди либеральной элиты в то время не было распространено.

Историю отечества всякий прочитывал и понимал по-своему. Но вдумчивые и ответственные мыслители и деятели предлагают общественному сознанию иную точку зрения на феномен российской модернизации, предлагая сконцентрировать свое внимание на взаимодействии различных институциональных структур, культурного контекста и индивидуальной активности человеческой личности.

В определенном, концептуальном, смысле дискуссию об отношении «новой» и «древней» России нельзя полагать завершенной и сегодня, 200 лет спустя. В конечном итоге именно от возникающего таким образом эффекта органического национального синтеза, способного ответить вызовам времени, и зависит судьба непрерывной и дискретной российской модернизации.

Список литературы

1. Василенко А. Хищный цветок, или П. Я. Чаадаев в истинном свете // Молодая гвардия. 1993. № 7. С. 195–208.
2. Добровольский В. Ю. П. Я. Чаадаев и его взгляды на судьбы России : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2007. 30 с.
3. Ермичев А., Злотопольская А. Петр Яковлевич Чаадаев в русской мысли. Опыт историографии // П. Я. Чаадаев: pro et contra: Личность и творчество Петра Чаадаева в оценке русских мыслителей и исследователей. Антология. СПб. : Изд-во Рус. Христиан. гуманит. ин-та, 1998. С. 7–40.
4. Жихарев М. И. Докладная записка потомству о Петре Яковлевиче Чаадаеве // Петр Яковлевич Чаадаев. М. : Рус. мир, 2008. С. 340–401.
5. Из воспоминаний М. А. Дмитриева // Петр Яковлевич Чаадаев. М. : Рус. мир, 2008. С. 469–472.
6. Кантор В. К. Русский европеец как явление культуры: философско-исторический анализ. М. : РОССПЭН, 2001. 701 с.
7. Карамзин Н. М. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношении / предисл., подгот. текста и примеч. Ю. С. Пивоварова. М. : Наука, 1991. 127 с.
8. Катков М. Н. Запрещение цензурою «Записки о новой и древней России» Карамзина // Катков М. Н. Собрание сочинений : в 6 т. Т. 1. Впервые: Московские ведомости. 1870. 24 дек.
9. Катков М. Н. Возрастание стремления к единой вселенской Церкви // Московские ведомости. 1869. 16 янв.
10. Катков М. Н. Песни русского народа // Отечественные записки. 1839. Т. 4. № 6. С. 1–24; № 7. С. 25–92.
11. Корнилов А. А. Михаил Никифорович Катков (1818–1887) // История русской литературы XIX в. : в 5 т. / под ред. Д. Н. Овсяннико-Куликовского, при ближайшем участии А. Е. Грузинского и П. Н. Сакулина. Т. 5. М. : Мир, 1911. С. 118–133.
12. Кузнецов Ф. Ф. Круг Д. И. Писарева. М. : Худож. лит., 1990. 926 с.
13. Лубкова Е. Я. Жизнь и судьба князя Федора Петровича Шаховского. М. : Прометей, 2005. 175 с.
14. Минаева Н. В. Век Пушкина. М. : Собрание, 2007. 303 с.
15. Пыпин А. Н. Проявления скептицизма. – Чаадаев // П. Я. Чаадаев: pro et contra: Личность и творчество Петра Чаадаева в оценке русских мыслителей и исследователей: Антология. СПб. : Изд-во Рус. Христиан. гуманит. ин-та, 1998. С. 166–183.
16. Розанов В. В. Суворин и Катков // Колокол. 1916. 11 марта.
17. Рудаков Л. И. Социальная философия П. Я. Чаадаева и русская философская и общественная мысль XIX в. : автореф. дис. ... д-ра филос. наук. СПб., 2000. 64 с.
18. Русская историософия. Антология. М. : РОССПЭН, 2006. 447 с.
19. Страхов Н. Н. Бедность нашей литературы (отрывок) // П. Я. Чаадаев: pro et contra: Личность и творчество Петра Чаадаева в оценке русских мыслителей и исследователей: Антология. СПб. : Изд-во Рус. Христиан. гуманит. ин-та, 1998. С. 164–165.

20. Стенник Ю. В. Идея «древней» и «новой» России в литературе и общественно-политической мысли XVIII – начала XIX века. СПб. : Наука, 2004. 277 с.

21. Степун Ф. А. П. Я. Чаадаев // П. Я. Чаадаев: pro et contra: Личность и творчество Петра Чаадаева в оценке русских мыслителей и исследователей: Антология. СПб. : Изд-во Рус. Христиан. гуманит. ин-та, 1998. С. 370–374.

22. Чаадаев П. Я. Полное собрание сочинений и избранные письма : в 2 т. М. : Наука, 1991. Т. 1. 768 с. Т. 2. 672 с.

Conservative-liberal tradition in Russia: evolution of idea and content. Karamzin-Chaadaev-Katkov

A. V. Lubkov

Doctor of historical sciences, professor, rector,
Moscow State Pedagogical University, corresponding member of RAE, Russia, Moscow.
E-mail: av.lubkov@mpgu.su

Abstract. In modern conditions of spiritual crisis and depersonalization of culture, variability and transformation of meanings the appeal to history of Russia's social thought, the heritage of the original Russian thinkers and public figures at the sources of the main worldview currents seems to the author of article to be important in the study of problems of sociocultural space and time. From a classification dichotomy the author addresses synthesis and understanding of the difficult and contradictory world of the personality in the nonlinear and continuous movement of history.

Questions of consolidation of society around the solution of the main national tasks unite so different contemporaries and descendants of domestic thinkers in estimates. The author sees interrelation and continuity of conceptual provisions of N.M. Karamzin, P. Ya. Chaadaev, M. N. Katkov. The ideology offered by them, according to the author, unites various institutes and systems, the individual and the people in a whole before calls of modernization of the country. The known formula – autocracy, Orthodoxy, originality (nationality) – gets deep semantic sounding, turning to problems of solidarity and harmony, to primordial spiritual tradition of conciliarity.

The author in development of fundamental concepts presents the conservative and liberal traditions. In article synthesis of two different ideologies is carried out, their generalization in a concrete historical context is undertaken. At the same time the author draws the main attention of readers to judgment of spiritual and moral values, own choice of the acts and motives defining a personal and civic stand of the person, the creativity nature.

Keywords: personality, sociocultural space, national culture, identity, traditions, self-comprehension, self-knowledge.

References

1. Vasilenko A. *Hishchnyj cvetok, ili P.YA. CHaadaev v istinnom svete* [Predatory flower, Or P. Ya. Chaadaev in the true light] // *Molodaya gvardiya* – Young guard. 1993, No. 7, pp. 195–208.
2. Dobrovolskiy V.YU. *P.YA. CHaadaev i ego vzglyady na sud'by Rossii: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [Chaadaev and his views on the fate of Russia: bstr. dis. ... PhD of hist. sciences]. M. 2007. 30 p.
3. Ermichev A., Zlotopol'skaya A. *Petr YAKovlevich CHaadaev v russkoj mysli. Opyt istoriografii* [Peter Yakovlevich Chaadaev In Russian thought. Experience of historiography] // *P.YA. CHaadaev: proetcontra: Lichnost' i tvorchestvo Petra CHaadaeva v ochenke russkih myslitelej i issledovatelej. Antologiya* – P. Ya. Chaadaev: proetcontra: Personality and creativity of Peter Chaadaev in the evaluation of Russian thinkers and researchers. Anthology. SPb. Publishing house of Rus. Christian Humanit. Institute. 1998. Pp. 7–40.
4. ZHiharev M. I. *Dokladnaya zapiska potomstvu o Petre YAKovleviche CHaadaeve* [Memo to posterity about Peter Yakovlevich Chaadaev] // *Petr YAKovlevich CHaadaev* – Petr Yakovlevich Chaadaev. M. Rus. mir. 2008. Pp. 340–401.
5. *Iz vospominanij M. A. Dmitrieva* – From memoirs of M. A. Dmitriev // *Petr YAKovlevich CHaadaev* – Petr Yakovlevich Chaadaev. M. Rus. mir. 2008. Pp. 469–472.
6. Kantor V.K. *Russkij evropec kak yavlenie kul'tury: filosofsko-istoricheskij analiz* [Russian European as a phenomenon of culture: philosophical and historical analysis]. M. ROSSPEN. 2001. 701 p.
7. Karamzin N. M. *Zapiska o drevnej i novoj Rossii v ee politicheskom i grazhdanskom otnosheniyah* [Note on ancient and new Russia in its political and civil relations] / Preface, prep. of text and notes by Yu. S. Pivovarov. M. Nauka. 1991. 127 p.
8. Katkov M. N. *Zapreshchenie cenzuroyu «Zapiski o novoj i drevnej Rossii» Karamzina* [The prohibition of censorship «Notes on ancient and new Russia» by Karamzin] // *Katkov M. N. Sbranie sochinenij: v 6 t. T. 1* [Collected works: in 6 vol. Vol. 1]. For the first time: Moscow news. 1870. Dec 24.

9. Katkov M. N. *Vozrastanie stremleniya k edinoj vselenskoj Cerkvi* [The increase in the desire for a single universal church] // *Moskovskie vedomosti* – Moscow news. 1869. 16 Jan.
10. Katkov M. N. *Pesni russkogo naroda* [Songs of the Russian people] // *Otechestvennye zapiski* – Domestic notes. 1839, vol. 4, No. 6, pp. 1–24; No. 7, pp. 25–92.
11. Kornilov A. A. *Mikhail Nikiforovich Katkov (1818–1887)* [Mikhail Nikiforovich Katkov (1818–1887)] // *Istoriya russkoj literatury XIX v.: v 5 t.* – History of Russian literature of the XIX century: in 5 vols / ed. by D. N. Ovsyaniko-Kulikovskii, with the participation of A. E. Gruzinskiy and P. N. Sakulin. Vol.5. M. Mir. 1911. Pp. 118–133.
12. Kuznecov F. F. *Krug D.I. Pisareva* [Social circle of D. I. Pisarev]. M. Khud. lit. 1990. 926 p.
13. Lubkova E. YA. *Zhizn' i sud'ba knyazya Fedora Petrovicha SHahovskogo* [Life and fate of Prince Fyodor Petrovich Shakhovskiy]. M. Prometheus. 2005. 175 p.
14. Minaeva N. V. *Vek Pushkina* [The age of Pushkin]. M. Sobraniye. 2007. 303 p.
15. Pypin A.N. *Proyavleniya skepticizma. – CHaadaev* [Manifestations of skepticism. – Chaadaev] // P. YA. CHaadaev: *proetcontra: Lichnost' i tvorchestvo Petra CHaadaeva v ocnke russkih myslitelej i issledovatelej. Antologiya* – P. Ya. Chaadaev: proetcontra: Personality and creativity of Petr Chaadaev in the assessment of Russian thinkers and researchers: anthology. SPb. Publishing house of Rus. Christian Humanit. Institute. 1998. Pp. 166–183.
16. Rozanov V. V. *Suvorin i Katkov* [Suvorin and Katkov] // *Kolokol* – Bell. 1916, March 11.
17. Rudakov L.I. *Sotsial'naya filosofiya P.YA. CHaadaeva i russkaya filosofskaya i obshchestvennaya mysl' XIX v.: avtoref. dis. ... d-ra filos. nauk* [Social philosophy of P. Ya. Chaadaev and the Russian philosophical and social thought of the XIX century: abstr. dis. ... Dr of philos. sciences]. SPb. 2000. 64 p.
18. *Russkaya istoriosofiya. Antologiya* – Russian historiosophy. Anthology. M. ROSSPEN. 2006. 447 p.
19. Strahov N. N. *Bednost' nashej literatury (otryvok)* [The poverty of our literature (excerpt)] // P. YA. CHaadaev: *proetcontra: Lichnost' i tvorchestvo Petra CHaadaeva v ocnke russkih myslitelej i issledovatelej. Antologiya* – P. Y. Chaadaev: proetcontra: the Person and works of Petr Chaadaev in the evaluation of Russian thinkers and scholars: anthology. SPb. Publishing house of Rus. Christian Humanit. Institute. 1998. Pp. 164–165.
20. Stennik YU. V. *Ideya «drevnej» i «novojs» Rossii v literature i obshchestvenno-politicheskoj mysli XVIII – nachala XIX veka* – The idea of "ancient" and "new" Russia in the literature and socio-political thought of the XVIII – early XIX century. SPb. Nauka. 2004. 277 p.
21. Stepun F.A. *P.YA. CHaadaev* [P. Ya. Chaadaev] // P.YA. CHaadaev: *proetcontra: Lichnost' i tvorchestvo Petra CHaadaeva v ocnke russkih myslitelej i issledovatelej. Antologiya* – P. Ya. Chaadaev: proetcontra: the Person and works of Petr Chaadaev in the evaluation of Russian thinkers and scholars: anthology. SPb. Publishing house of Rus. Christian Humanit. Institute. 1998. Pp. 370–374.
22. *CHaadaev P. YA. Polnoe sobranie sochinenij i izbrannye pis'ma: v 2 t.* [Complete works and selected letters: in 2 vols]. M. Nauka. 1991. Vol. 1. 768 p. Vol. 2. 672 p.